

ЖАСМИН МАЙЕР

Горячее северное лето

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОНА СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА,
КОТОРАЯ БОЛЬШЕ НЕ ВЕРИТ В ЛЮБОВЬ.
ОН СУРОВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МЕТЕОСТАНЦИИ
НА ОСТРОВЕ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ.

18+

Жасмин Майер
Горячее северное лето
Серия «Современные сказки о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548326

SelfPub; 2023

Аннотация

За спиной у Таисии Вознесенской неудачный брак, взлет карьеры, но ни намек на обычное женское счастье. Все меняется, когда вместо самолета она оказывается на борту ледокола. Теперь ее ждет путешествие не в Европу, а на полярную метеостанцию в Ненецком автономном округе, и при виде сурового и бородатого руководителя метеостанции холодное сердце светской львицы неожиданно начинает биться быстрее... Таисия Вознесенская всегда добивается своего, но Федор Радов упрям, как тысяча чертей. Дни руководителя метеостанции расписаны по часам и не менялись годами, однако стоит этой женщине сойти на берег полярного острова, как заведенный порядок рухнет к чертям. Кто из них сдастся первым? Четвертая книга в цикле романов «Современные сказки о любви», главная героиня – мать Марка Бестужева из романа «Идеальный мерзавец» (АСТ, 2020).

Содержание

Жасмин Майер	5
ГЛАВА 1. ТАИСИЯ	6
Глава 2. Федор	13
Глава 3. Таисия	17
Глава 4. Федор	22
Глава 5. Таисия	27
Глава 6. Федор	35
Глава 7. Таисия	39
Глава 8. Радов	46
Глава 9. Таисия	52
Глава 10. Таисия	60
Глава 11. Радов	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Жасмин Майер

Горячее северное лето

Жасмин Майер

ГОРЯЧЕЕ СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Автор ответственно изучал матчасть, но допускает, что ошибки возможны. В романе использованы реальные местности, но все герои выдуманы и совпадения с реальностью чистая случайность.

Безграничное восхищение теми, кто не понаслышке знает о жизни в условиях севера.

ГЛАВА 1. ТАИСИЯ

Север, север, он бескрайний, а терпение Таисии Вознесенской нет.

Стоя на палубе ледокола, Таисия надеялась, что пронизывающий до костей ветер все-таки охладит ее пыл и ей не придется платить за молчание всей команде «Михаила Сомова». Ведь если она не успокоится, Джея придется утопить в Баренцевом море. Или отдать на растерзание белым медведям.

И дернул же ее черт согласиться на его предложение «немного развеяться»! Все нормальные люди, чтобы развеяться, идут в ближайший бар, на крайний случай садятся на чартер до Рима, но не отправляются бороздить на ледоколе Северный Ледовитый океан!

Впрочем, думала Таисия, сжимая поручни, ведь Джей ей и нравился непредсказуемостью и тем, что умел удивлять. Не каждому мужчине такое по силам, ну разве что, кроме ее единственного сына, но Марк – это Марк. Для нее он всегда будет вне конкуренции.

Таисия тяжело вздохнула, кутаясь в шубу. Она не захватила перчатки, когда выскочила из каюты в пылу ссоры, и теперь жалела об этом. Сожалела она и о том, что с ледокола не так-то просто сбежать, если вдруг захотелось разорвать все отношения с мужчиной, который тебя раздражает.

Она смотрела на темное Баренцево море, которое ярилось

за кормой. Для мощного ледокола хмурые волны и насупившееся небо не представляли опасности. Хотя стоял май, воздух был морозно-свежим и кристально-чистым, как и всегда на севере в хорошую погоду. Такая тихая погода была редкостью даже для их сравнительно недолгого путешествия. Во все остальные дни море частенько было скованно молочным туманом, или с севера шли низкие свинцовые тучи, которые проливались стеной ледяного дождя.

Но сегодняшняя благоприятная погода уже не радовала Таисию.

Она понимала, что ей не место в этом путешествии. Такое путешествие скорее подошло бы для такой пары, как ее сын и его жена. Молодые, восхищенные и влюбленные друг в друга и в мир вокруг, им бы казалось, что любовь побеждает все, и даже самая плохая погода не испортила бы им настроения. Таисия давно не была такой: способность дарить любовь и любовь самой она исчерпала еще в отношениях с первым мужем.

За это стоит «благодарить» Федора Бестужева и его постоянные измены. Уж кто-кто, а Бестужев точно поспособствовал тому, чтобы ее восхищение миром быстро сменилось здоровым цинизмом.

И все же она загорелась этой экскурсией, которую предложил Джей, и даже оплатила ее, потому что, разумеется, у него не было таких денег. Двухместная каюта на атомном ледоколе, полет на вертолете, снаряжение и походное обмун-

дирование – все это стоило, как новая машина. Но вместо этого Джей выбрал Север.

Джей не был сильно моложе ее, а ведь женщины ее возраста, которые «бабы ягодки опять», часто выбирали парней куда моложе себя. Но рядом с тридцатилетними мужчинами Таисия всегда чувствовала себя так, словно совращала какого-нибудь одноклассника своего сына.

Джею было сорок. Он был на шесть лет младше самой Таисии и уже, слава богу, не годился ей в сыновья. Особенно когда отращивал бороду, следуя веяниям современной моды.

Конечно, мужчины, которым шел пятый десяток, подошли бы ей идеально. Но, во-первых, они были сплошь женаты, а если дожили до пятого десятка и до сих пор оставались холостыми – это было даже худшим звоночком, чем штамп в паспорте.

С мужчинами-иностранцами в этом возрасте было одновременно и проще, и сложнее. Хотя заграничные мужчины следили за собой куда лучше, чем депутаты и богачи, несмотря на феерический секс, ни с кем у Таисии так ничего и не выгорело. Слишком разными они были. Разница менталитетов ощущалась куда острее.

Таисия понимала, что ей стоило наплевать на семейные обязательства и бизнес и развестись с Федором Бестужевым. Лет так хотя бы на десять. Если бы она обрела свободу в тридцать, у нее еще оставалось бы время на то, чтобы попро-

бовать построить личную жизнь заново.

Она вышла замуж в восемнадцать и почти сразу же родила. Следом потянулся тот безрадостный для любой женщины период, когда молодость приходится усмирять материнскими обязанностями, особенно тяжелыми, если заботу о первом ребенке приходится тянуть в одиночестве. Бестужев всегда был занят, он твердо шел к намеченной цели, и брак с богатой наследницей был всего лишь одним из этапов его карьеры.

Теперь же Бестужев добился своего – занял долгожданное кресло в министерстве, а личной жизнью Таисии, которая обрела наконец свободу, могли быть только такие мужчины, как Джей.

Вообще его звали Сергей, но однажды на паспортном контроле мексиканский таможенник прочел транскрипцию *sergey*, как – Сир Джей. С тех пор и повелось. В городе, где Серег было как грязи, Джей звучало куда круче, кто ж спорит.

Такие мужчины, как Джей, большую часть времени проводили или в спортзале, совершенствуя тело, или в постели. Конечно, раздевшись, Джей поражал женское воображение. Особенно, если вспомнить, как выглядели без одежды бизнесмены, которые давно платили женщинам за любовь, а значит, не имели никакого стимула следить за собой. Их успехи в постели и вовсе глупо было сравнивать.

Деньги испортили мужчин ее возраста. Теперь они поку-

пали любовь и совсем не умели любить просто так. И одиноким женщинам, вроде Таисии, ничего не оставалось, кроме как просто брать с них пример.

Таисия часто слышала от своего сына Марка после его неудачного первого брака, что любви не существует. Он злился на жизнь и на женщину, которая подвела его. Таисия хотела бы переубедить сына, но у нее самой за спиной был только неудачный брак и несколько неудачных романов после развода.

И все же жизнь идет навстречу молодым, и ее сыну выпал еще один шанс – Марк Бестужев заполучил и любовь, и настоящую семью, и Таисия была благодарна судьбе за это, хотя давно уже перестала просить нечто подобное для себя.

Возможно, именно свадьба Марка и Веры, на которой Таисия присутствовала на исходе декабря и сделала ее такой сентиментальной, думала она, вдыхая морозный воздух.

А может быть, способность любить после сорока просто атрофируется? Как раз перед поездкой врачи нашли у нее песок в почках. Что если это и была любовь? Как постепенно седеют волосы, стареет кожа или выпадают зубы, так и любовь, горячая юная любовь, копившаяся годами в организме, но так и не нашедшая выхода, с возрастом ссыхается и крошится, ведь организм человека умен и всегда избавляется от лишних продуктов жизнедеятельности. А на УЗИ врачи видят лишь песок в почках.

Наверное, правильный для нее диагноз звучал бы так:

«Острая любовная недостаточность. Рекомендованы диета и срочно влюбиться».

– Таечка, вот ты где.

Джей обвил руками талию, коснувшись ее плеча подбодрком.

Конечно, он пришел за ней. Она бы очень удивилась, если бы он остался в каюте. Увы, Джей был в таком положении, что не мог позволить себе дуться или требовать от Таисии извинений.

– Пойдем в каюту, лапочка?

Бархатные нотки мастера соблазнения обволакивали как хороший кашемир. А еще в нем было почти два метра ростом. Таисия любила каблуки и не любила высматривать своего мужчину где-то там, внизу и сбоку от себя.

Если сейчас она позволит увести себя в каюту, то Джей сполна загладит свою вину перед ней. Примирительный секс с ним всегда был лучше обычного. Иногда казалось, что он как будто специально косячит только для того, чтобы потом устроить в постели очередной марафон.

Красивое тело и часы прелюдии, размеренные движения или быстрый рваный ритм. Как элитный спорткар, Джей мог разгоняться за секунды.

Получить такой же секс от мужчин из списка «Форбс» было делом, мягко говоря, хлопотным. Богатые мужчины привыкли спать с молодыми девчушками, которых возбуждало количество нулей на собственном счете. Этих мужчин жен-

ские оргазмы волновали примерно так же, как и доклады Всемирной Организации Здравоохранения.

В конце-то концов, раз даже нефролог подтвердил по УЗИ, что Таисии Вознесенской слишком поздно мечтать о любви, то даже не начинайте. К черту любовь. Зря она, что ли, оказалась с молодым любовником на борту, который уносил их все дальше от большой земли, в это бессмысленное путешествие по северным водам Арктики? Ну не морозить же себе задницу на палубе, когда можно провести время с большей пользой. Когда еще в жизни доведется потрахаться на ледоколе?

Таисия в последний раз глубоко вдохнула морозный воздух и сказала:

– Пошли в каюту, Джей. Что-то я замерзла.

Глава 2. Федор

Зачем мужчине член?

Казалось бы, думал Федор Радов, с членом все предельно ясно. Хотя бы потому, что выбора у мужчины нет. С членом мужчина рождается, с ним и мучается каждое утро, начиная с пубертата, когда по утрам, перефразируя Маяковского, у мужчины стоит так, как будто это кому-нибудь действительно нужно.

На большой земле и при наличии жены или женщины – возможно и нужно, но в условиях крайнего севера на труднодоступной метеорологической станции для закоренелого холостяка уже проблема. Член никому не нужен. Но он стоит. Упрямо и негибаемо.

На часах 5:30, и в комнате руководителя метеостанции еще темно. Полярная ночь уже кончилась, а белые ночи начнутся позже. Какое-то время можно насладиться естественным течением времени, когда днем светло, а ночью темно. Мелочь, но от нее так тяжело отвыкнуть.

Его «срок», как называли метеорологи смену в шесть часов, вот-вот начнется. Радов откинул одеяло и сел на кровати. Жгучее желание все не утихало. Кого же он трахал во сне? И почему так не вовремя проснулся?

Конечно, его предупреждали, что без семьи на Вайгаче жить трудно. Федор начальнику в Амдерме не поверил, мах-

нул на секс рукой, мол, какое большое дело, справится и без женщины. Ага.

Федор запустил пальцы в волосы, все еще задумчиво глядя на оттопыренные боксеры.

Спящий за дверью в коридоре Муфаса встрепенулся, безошибочно почуяв пробуждение хозяина, зацокал когтями по дощатому полу.

Внимать голосу разума, что для того, чтобы найти женщину, нужно промахаться 370 км до Нарьян-Мара, член не желал. Еще бы. Мужчина существо примитивное – одновременно обе системы жизнедеятельности работать не могут. Или мозг, или член. Так что до расстояния кувалде в штанах не было никакого дела.

Это на большой земле только свистни. Даже не вставая с дивана можно выбрать ту, что сама придет и все сама же и сделает. А здесь? В условиях крайнего севера?

Но ведь справлялся раньше! Да и на материк нет-нет, да ездил. А сейчас замотался, некогда ехать и искать кого-то. Уже даже не по вкусу, а лишь бы была женщиной.

Двое работников метеостанции ушли в положенный отпуск, третий работает вполсилы из-за сломанной руки. По уму, Пашу надо было бы списать на землю, но его оставили, потому что работать на станции больше некому. А четвертый работник метеостанции под началом Федора Радова – двадцатилетняя студентка, которую за каким-то чертом именно сюда отправили собирать материалы для научной работы.

Вот с прибытием Светки Соколовой, прямо как в песне «Веселых ребят», у Радова и начались проблемы.

Как он ее только не перетрахал за это время во снах. Но одно дело сны и совсем другое реальность. Ни за что на свете не будет он спать с этой студенткой. У него даже дочь старше.

Так что пусть эта гибкая девочка, которая вся вытягивается в струнку, когда тянется к гигрографу, и знать не знает, какие мысли одолевают в этот момент Федора Радова, который, как ее старший научный сотрудник и куратор диплома, должен следить за ее работой. За работой, а не за задницей! Не за тем, как она выгибается, когда считывает показания с термометров на поверхности почвы.

Но Федор Радов, черт возьми, мужчина. И за это Господь Бог дал его члену способность наливаясь кровью, когда перед тобой низко, очень низко, и недвусмысленно наклоняется женщина. И плевать, что она, в общем-то, делом занята. И неважно, что в этот момент Радов объясняет девушке обязанности гидролога. Член считает, что в этот момент нужно нагнуть студентку и взять прямо на земле у реки.

У члена всего два агрегатных состояния: «хочу» и «больше не хочу». И вот член Радова заклинило, как заржавевший рычаг у трактора, и неясно, как сделать так, чтобы перейти на полшестого. Вернее, ясно, действие старо как мир, но удовлетворения от кулака – как сморкаться во время насморка. Помогает, но через пять минут все по новой.

Как давно у него не было женщины? В последний раз он

ездил в Амдерму весной прошлого года, а на большой земле был... Давно был, в общем. Вот оттуда это неудовлетворение и берет ноги.

Физиология, ничего личного. Только как объяснить это члену? И как выбить из руководства отпуск, когда на станции и так почти никого, кроме него? Студентка и инвалид. Как он оставит их одних, чтобы уехать и перетрахать все, что движется? Они же загубят все к чертям собачьим, если Светка до сих пор путает гелиограф и гигрограф¹.

Федор поднялся с кровати и впустил в спальню собаку, которая все это после его пробуждения тяжело и шумно вздыхала за дверью. Черноподпалый мастиф величественной баржей вплыл в комнату, хлестнув хозяина хвостом.

Радов еще раз посмотрел на боксеры, вздохнул и стал одеваться.

Не с кофе, ой не с кофе начинается утро настоящего мужчины.

¹ **Гелиограф** – прибор для автоматической регистрации продолжительности солнечного сияния в течение дня, то есть когда Солнце не закрыто облаками. **Гигрограф** (др. -греч. ὑγρός – влажный и γράφω – пишу) – прибор для непрерывной регистрации относительной влажности воздуха.

Глава 3. Таисия

– Сколько дней мы проведем на метеостанции? – спросила Таисия, после того, как Джей выгрузил из ледокола по трапу их чемоданы.

Джей широко улыбнулся, щелкая перед лицом Таисии фотоаппаратом.

– Трое суток, – ответил он. – Улыбнись!

– Ради Бога, только без моих фоток в твоём инстаграме, – поморщилась Таисия.

– Ну Тая!

– Не забывайся.

Она пошла по заросшему мхом берегу в сторону поселка Амдерма. Под сотню строений, где одноэтажных, где двух, ютились на пригорках, покрытых ржавого цвета лишайниками. В городе жили чуть менее шестисот человек. Отсюда же, из бывшего военного полигона, иногда на остров Вайгач летал вертолет. Вайгач и был конечной точкой их путешествия – крохотный полярный остров между Печорским и Карским морями, а труднодоступная метеостанция имела все основания называться именно так.

– Детка, что с тобой? – Джей поравнялся с Таей. – Не нравится путешествие?

– Наверное, просто устала.

Светило, но совершенно не грело солнце, а ветер с моря

дул резкими порывами, отчего лицо покалывало будто морозом. Хотя на столбике было выше нуля, а снег уже по большей части сошел, из-за высокой влажности и северного ветра было куда холоднее.

– Нам надо переодеться в спецодежду. Не зря же мы накупили столько туристических обновок, – продолжил Джей, явно надеясь, что новинки порадуют Таю, но когда она никак не отреагировала, то продолжил: – Потом вертолет доставит нас на станцию. Можешь оставить часть вещей здесь, в Амдерме, обратно мы будем добираться морем, через пролив, так что не бери с собой много всего. Я снял здесь самую приличную, какую только смог найти квартиру. Отелей здесь, сама понимаешь, нет.

– Что мы будем делать на метеостанции? Заполнять журнал природоведения?

– Что-то вроде того. Таисия, послушай.

Джей остановился.

– Если не хочешь или тебе надоело, мы можем прямо здесь сесть на самолет до Нарьян-Мара, а оттуда уже добраться до Архангельска.

– Все в порядке, Джей. Мне действительно нужен этот отпуск. Просто он, пожалуй, самый необычный из всех, какие у меня когда-либо были.

– Очень на то надеюсь, – улыбнулся Джей. – Я давно хотел попасть на север.

– Правда? – Таисия огляделась. Бескрайние просторы, по-

крытые лишайниками и мхами. Необычный выбор для человека, который мог выбрать любое место на планете. – Почему именно сюда?

– Вообще я бы хотел в Антарктиду, но мы с тобой пропустили сезон экскурсий, – рассмеялся Джей. – Сейчас там зима и все скованно льдом. Разве тебя не привлекала романтика мест у черта на куличках? Где люди работают, изолировано от цивилизации, один на один с природой? Представляешь, им даже продукты доставляют на станцию один раз в год! Все остальное можно доставить, как сейчас, по случаю. Если бы не наш вертолет, то люди на станции ждали бы другого случая.

– А где они берут продукты в остальное время года?

– Охотятся, рыбачат. Что-то обменивают у оленеводов. Невероятно, правда?

– Наверное, они еще поют под гитару у костра.

Джей моментально сдулся. Таисия ощутила укол совести.

– Прости, Джей... Просто эта палаточная романтика... Ты бывал в детстве в «Артеке» или чем-то подобном?

– Нет, не был, – все еще хмуро отозвался Джей. – Путевки в «Артек» всегда были слишком дорогими для моей семьи. Нас было пятеро. Так что у нас был свой летний лагерь и развлекались мы как могли.

– Пятеро, – мечтательно улыбнулась Таисия. – Знаешь, я проводила в «Артеке» по две смены за лето... И я бы на что угодно променяла их, лишь бы проводить лето с братьями и

сестрами, которых у меня никогда не было. Так что, спасибо, Джей.

– За что? – удивился он.

– Наверное, за это, – Таисия улыбнулась. – Что мы не видели в Дубае, верно? А здесь... Все другое. Чувствуешь, себя первооткрывателем в какой-то мере.

– Ага.

– Тогда идем и привезем им что-нибудь вкусное. Как думаешь, что людям на станции может не хватать?

– На ледоколе говорили, что сигареты всегда кончаются не вовремя, а стрельнуть там, как понимаешь, не у кого.

– Отлично, значит, добавим им столько блоков, чтобы хватило до нового года. Пусть запомнят нас, как самых щедрых туристов. Что еще?

– Алкоголь с государственных дотаций туда не везут, запрещено. Они ведь работают. Но они его варят сами.

– Ой, могу представить, каков он на вкус. Ладно, тогда спиртное тоже берем на себя. Нам ведь никто не запретит привезти его с собой?

– Нам нет, но боюсь, ты не найдешь здесь ни французского шампанского, ни даже коньяка, которые ты пьешь. Только водка, Тая, только хардкор. Уж прости.

– Ну, один раз в жизни могу и водку выпить. На то он и север. Но пойло, что они там сами варят, я точно пить не буду. Как думаешь, что еще мы можем привезти, чтобы порадовать метеорологов? Там есть женщины? Если есть, ду-

маю, в определенные дни месяца они могут убить за плитку шоколада.

Джей хохотнул.

– Тебе лучше знать. Вообще, они ведь других людей почти не видят, поэтому лучшее, как мне кажется, что мы можем привезти, это себя.

Таисия улыбнулась.

– Ну с этим как раз несложно.

Глава 4. Федор

– Прием, прием! Амдерма? Это Белый Нос... – повторил Радов, но и так было ясно – рация мертва.

Радов откинулся на стуле и сказал, как можно более спокойней:

– Трогал что-нибудь, Паша?

Радов как раз сдал «срок», вернувшись с метеоплощадки, вбил данные и отправил по телетайпу сводку, и оставил Пашу на связи, пока сам отправился завтракать. Паша ворвался на кухню, как только Радов взялся за ложку. Остывший после «срока» завтрак пришлось буквально проглотить. Овсянка и теперь стояла в желудке комом.

Паша качнул головой.

– Ну вы ушли, и как раз вызов пошел, и я ответил... Просто, вы же знаете, Федор Михайлович, я правой рукой двигать не могу, – Паша для наглядности еще раз продемонстрировал гипс. – И я попытался ответить левой рукой... И, видимо...

– Видимо, не туда нажал, – закончил за него Радов. – Хоть успел услышать, что хотела Амдерма?

– Успели передать, чтоб вертолет встречали.

Вот ведь! Такую оказию пропустили. Если бы связь была, могли бы посылку заказать. А так...

– Туристы? – уже без особой радости спросил Радов.

Паша развел руками, мол, это услышать не успел. Ну как руками – рукой. Одна-то оставалась недвижимой в шине на груди.

– Вы почините? – с надеждой в голосе спросил Паша.

– Посмотрим.

Ломал рацию Паша не в первый раз, но в который раз Радов обходился сам, хотя мог сгонять на лодке до Амдермы за механиком.

Дел на сегодня у Радова итак было выше крыши, но они хоть от других мыслей отвлекали. За что он и любил работу на станции, так это за то, что минуты отдыха были очень редкими, а руки вечно заняты. Прибить, починить, проверить. Сверить, записать, измерить. Даже не будучи на смене, Радов все равно должен был наблюдать за сменой ветра, погоды или облаков и немедленно сообщать о любых изменениях. Это только казалось, что работа метеоролога – не бей лежачего, на самом деле, бдительность нельзя было терять ни на минуту. Особенно, если учесть, что погода в мае была также непостоянна, как настроение беременной женщины.

Рацию Радов все-таки настроил, и в этот час Муфаса не отходил ни на шаг от хозяина. Самозабвенно грыз бревно, размером с руку Федора, методично превращая древесину в опилки.

Занятый делом, Федор мыслями снова и снова возвращался к... женщинам. Только не к тем. Он думал о том, что скоро у дворовой нанайской лайки Дуси начнется течка, и то-

гда у Муфасы опять сорвет башню. Ни одна веревка не держала упрямого, как барана, и тяжелого, как племенной бык, мастифа. И то, как пес целенаправленно уничтожал древесину, красноречиво доказывало, что участь любой веревки предрешена.

Непородистая Дуська досталась Радову вместе со станцией и была уже бабушкой по собачьим меркам, но в пылу страсти еще давала жару. Ветврач из Амдермы сказал, что операцию по стерилизации Дуся уже скорей всего не переживет и предложил просто пресекать контакты между собаками в период течки.

Легко сказать, сложнее сделать.

На пути к желанной женщине семидесятикилограммовый мастиф превращался в твердолобый таран. Отпустить его творить бесстыдства Радов не мог и не потому, что завидовал. Куда прикажите девать раз за разом многочисленный приплод Дуси, если не сдерживать Муфасу? Топить? Жрать как китайцы? Такая свора безродных щенят на острове привлечет внимание медведей, которые только рады задрать какую-нибудь собаку.

Как Дуся все это время выживала в будке снаружи, Радов не знал. Надеялся в глубине души, что однажды судьба сама распорядится собачьей жизнью, но взяться за ружье, чтобы раз и навсегда избавиться от лишней головной боли, не мог.

Муфасу на Вайгач Радов привез с собой еще щенком пять лет назад, но уже тогда было видно, что кобель из него вырас-

тет знатным. Муфаса не подвел и ожидания хозяина оправдал: вырос в гривастого теленка, который, как беспокойное привидение, топал вечерам по коридору, пока укладывался спать.

Когда рация снова «заговорила», Радов связался с Амдермой и узнал, что они благополучно пропустили свой шанс пополнить запасы курева. Вертолет уже был в пути.

– Кого везет?

Рация снова зашипела.

– Туристы, – отделался кратким ответом начальник Амдермы.

Понятно. Заплатили Амдерме, а Радов тут отдувайся и развлекай их.

Метеостанция – объект не режимный, поэтому, кто хочет, при желании, может попасть. Другое дело, что желающих переться на крайний север, слава богу, немного.

Остается надеяться только на сознательность туристов. Курево они, может, и привезут, а вот надеяться на свежую подшивку «Плейбоя» вряд ли стоит. От ноющего паха удалось отвлечься, но ненадолго.

Радов снова посмотрел на пса, тот ответил преданным взглядом и перестуком массивного хвоста.

Как бы печально ни было, но Муфасу придется посадить на цепь. Другого выхода для него Радов не видел.

– Пойдем, меховой половичок, – сказал Радов псу. – Там брошенная лодка лежит дальше по берегу. Было что-то по-

хожее между бочками. Тебя же только якорная цепь и остановит, озабоченный ты мой.

Муфаса завилял хвостом. Лаять не по делу было строго-настрого запрещено. Из-за всё тех же медведей.

Когда они вышли из дому, то наткнулись на Светку. Девушка самозабвенно пропалывала участок чистого грунта на метеоплощадке.

Кверху задом.

Скрипнув зубами, Радов повел пса к морю.

Очень не хотелось, но если так и дальше будет продолжаться, то однажды и себя придется на цепь посадить. Иначе плохо дело.

Глава 5. Таисия

Полету на вертолете Джей радовался как ребенок, а Таисия снова словила себя на том, что относится к нему, как к сыну. Такие моменты случались редко, но, как и этот, когда Джей с восторгом высматривал в иллюминаторе ржавую тундру, все же бывали.

Хотя Джей был старше Марка, и Таисия всегда старалась выбирать мужчин однозначно старше сына, «комплекс Электры»² все равно давал о себе знать.

Сама Таисия, отринув лишнюю скромность, тоже считала, что не выглядит на свой возраст. Да, почти полвека в паспорте – цифра ужасающая, но отражение, как волшебное зеркало царицы, уверенно твердило о том, что хоть на свете и есть другие девицы, румяней и блее, Таисия Вознесенская еще тоже хоть куда.

Ни вид ей давали около сорока и никогда больше. А брутальный вид Джея добавлял ему те лишние годы, которые зияли между ними пропастью, и в счастливые минуты, особенно после оргазма, Таисия и думать забывала о разнице в возрасте. Да и ее темперамент зашкаливал, невзирая на первые предвестники менопаузы.

И все же, и все же...

² Комплекс Электры – понятие психоанализа, комплекс, проявляющийся у девочек в их отношении с отцом и матерью, аналог эдипова комплекса.

Таисия хотела бы ощутить не только равноправие, которое пусть и было между ней и Джеем, но скорее мнимое, учитывая и разные социальные статусы, и возраст. В редкие минуты Таисия все же хотела – да простят ее феминистки, – подчиниться мужской воле, а не решать все самой.

Поэтому она позволила Джею выбрать самому, куда они отправятся в отпуск, но легче не стало. Именно так и выглядит мнимое равноправие – когда позволяешь мужчине купить тур на северный полюс за собственные же деньги.

Таисия теперь часто вспоминала ту, что ее сын выбрал себе в жены. Достаточно было взглянуть на Веру, чтобы понять: ее чувства настоящие и действительно не имеют ничего общего с деньгами. А взгляд? Ох уж этот взгляд влюбленной в своего мужчину женщины – скромный, томный и одновременно с этим гордый и дерзкий. Мать не проведешь, и Таисии хватило одного взгляда на Веру, когда та узнала, что Марк стоит сейчас за дверью ее квартиры³.

Таисия не помнила, чтобы так смотрела даже на первого мужа, хотя и любила его в первые года брака. Были в ее жизни и другие увлечения, которые могли перерасти во что-то серьезней, но она уж точно никогда не глядела на своих мужчин так, как Вера глядела на Марка.

Ее сыну однозначно повезло, но что делать собственным пресловутым женским счастьем?

И есть ли смысл что-то менять в ее возрасте, когда на име-

³ События романа «Идеальный мерзавец» (АСТ, 2020 г).

нинном торте даже больше нет места из-за количества све-
чей?

На станции Белый Нос, после посадки на ровном взлетном поле, их встречали парень с загипсованной рукой и девушка в очках с устаревшей роговой оправой. Еще совсем дети. «И как их только родители отпустили в такую глушь?» – подумала Таисия.

Джей помог ей спрыгнуть со ступени вертолета и они вместе побежали, немного пригнувшись, подальше от шумевших лопастей, гнавших холодный воздух. Только отойдя от вертолета, Таисия смогла осмотреться. Пустота. Такое слово приходило на ум при взгляде на остров Вайгач. Взгляду не за что было зацепить: вплоть до самого горизонта ни деревьев, ни даже мало-мальских кустарников. Только ржавые из-за лишайников зубастые скалы, словно плоские подушки сваленные великаном с каменного ложа лежали вповалку.

А над пустыми равнинами только насыщенное синее небо. Пустота, что сверху, что снизу. И где-то между ними люди, невесть как оказавшиеся в этих жестоких краях.

После того, как мотор вертолета затих, они наконец-то смогли познакомиться с обитателями станции.

Мальчишка лет двадцати пяти представился серьезным Павлом Валерьевичем, а девушка, не сводя изумленного взгляда с Джей, представилась Светланой.

Ну да, рядом с Павлом Валерьевичем Джей выигрывал по всем пунктам. Шире плечи, крепче руки, длинные ноги в об-

тягивающих каждую мышцу джинсах. Он распахнул куртку, взъерошил волосы и улыбнулся Свете. Все-таки Джей хорош, подумала Тая, этого у него действительно не отнять.

А так ли нужна ей эта любовь, если есть хороший секс? Ну не полюбила она за всю свою жизнь ни одного мужчину, что поделать. Даже если бы Джей соврал, что любит ее, какой смысл в этих признаниях, если сама она никогда его не любит? Не забывайте про песок в почках.

И потом, когда они вернутся на большую землю, ее встречи с Джеем станут иными. Джея она, например, никогда не возьмет с собой, когда полетит к Марку, когда Вере подойдет срок рожать.

Да и такому, как Джей, скорей всего, не захочет спать с бабушкой. А она ведь именно бабушкой и станет уже совсем скоро.

Может, в этом все дело? В том, что старость вот она, официально уже не за горами и совсем скоро Марк скажет: «А это твоя бабушка!».

С именем для сына они еще не определились, но ведь от этого статус Таисии в жизни этого нового человека никак не изменится. Она будет для него бабушкой, которая просто пугается с молодыми парнями. И плевать, что эти парни тоже давно не молоды, они-то в отличие от нее даже близко не готовы спать с бабушкой! Тогда как в мире полно девушек, желающих спать с дедушками. Ну и где здесь равноправие?

Впору было подойти и сесть обратно в вертолет. Таисия

еще никогда не думала о своем будущем и прошлом столько, как сейчас. Что на нее так влияет? Близость Северного полюса? Может быть, озоновые дыры в атмосфере?

Когда-то отец говорил, что север меняет людей, но чтобы настолько и так сразу? Таисия была не готова к тому, что ей достаточно будет лишь ступить на дальние земли и вся жизнь предстанет перед ней, как на ладони, как равнина тундры, просматривающаяся до горизонта.

Пока Тая пребывала в задумчивости, Павел Валерьевич, выкатив грудь колесом, благодарил Джея за подарки и был явно озадачен количеством коробок и ящиков, которые выгружали из днища вертолета.

– Так у вас нет никаких колес? – удивился Джей. – Чтобы довести, а не тащить до станции ящики?

Таисия проследила взглядом за его рукой. Среди мшистых равнин с вкраплениями снежных проплешин располагалась сама метеостанция. И в том, что она не зря носила статус «Труднодоступной» не приходилось сомневаться. Это было одноэтажное здание из бело-синей вагонки, окруженное деревянными постройками. Над станцией возвышалась вышка и белели, собранные рядышком, другие странные метеорологические приспособления.

У них будет три дня, что они проведут на станции, и, наверняка, Джей захочет разобраться, в чем заключается суть работы метеоролога. Иначе, чем еще здесь заняться, кроме как природоведением?

— Есть снегоходы, но сейчас не сезон. Есть трактор, но мазута немного, ждем со дня на день ледакол с припасами. Я бы сам помог, но... — Павел попытался развести руки, но одна была привязана к шее и жест вышел смазанным. И так понятно, что помощник из Павла Валерьевича не очень. — Да и Светка много не утащит.

Павел явно хотел поставить Джея в неловкое положение, но он не на того нарвался.

— Ну, значит, сам все сделаю! — бодро воскликнул Джей, на которого крайний север действовал крайне благоприятно. Как будто кто-то выкрутил в нем его жизненный оптимизм на максимум.

Джей скинул куртку на руки опешившей Таисии, размял плечи.

От Таисии не ускользнуло то, какими квадратными при этом стали глаза Светки. У нее разве что слюна не капала из приоткрытого рта. А вот раненный боец Павел Валерьевич хмурился с написанным на лице пренебрежением: «Ну, подумаешь, мышцы!»

Понятно. Когда на станции проводишь время с одной женщиной, привыкаешь считать ее своей. Вот только у этой женщины тоже есть глаза. И теперь после визита Джея она будет понимать, что в мире есть другие мужчины, кроме Павла Валерьевича. И какие мужчины!

Все бы ничего, но при этом Таисия чувствовала нечто схожее... с материнской гордостью. Ни одного укола ревности,

как бы ей ни хотелось, она не чувствовала даже близко.

Черти что. Хоть бери и сватай Джея Свете.

А Джей, улыбаясь только Тае, подхватил первую коробку, кажется, с водкой и, бодро сбежав с пригорка, понес ее к невзрачному одноэтажному строению чуть поодаль от основного жилища, под надзором хмурого Павла, который шел впереди, показывая дорогу.

Светлана заморожено проводила его глазами.

– Вас здесь только двое? – спросила Таисия, когда они остались вдвоем.

– Что? – встрепелась девушка. – А, нет. Вообще пятеро, но Колька и Афанасий в отпуске.

– А кто третий?

– Что? – опять отвлеклась от созерцания ягодиц Джея Света.

– Вы сказали, что вообще здесь на станции вас пятеро, – вежливо подсказала Таисия.

– Ну да. А пятый наш руководитель станции. Федор Радов.

А раз он не вышел их встречать и не может помочь таскать тяжести, Таисия сделала вывод, что уж он-то совсем древний старичок. Да и имя такое же, древнее. Эдакий научный сотрудник, заставший времена, когда по земле еще ходили мамонты.

– А вот, кстати, и он, – кивнула Света в сторону.

Таисия проследила за ее взглядом.

И обомлела.

Глава 6. Федор

Радов тащил тяжеленую цепь и наслаждался тем, что нашел способ перехитрить природу. Во всех смыслах. Он посадит Муфасу на цепь, и пес просидит, как миленький, пережидая течку Дуси.

Куда, кстати, запропастилась эта шелудивая дворняга? Обычно, сразу выбегала навстречу, стоило Радову выйти из жилого модуля. Впрочем, на ужин все равно примчится, если жива еще.

Железо основательно прочистило мозги. Радов снова стал хозяином жизни и собственного тела. Подумаешь, стоит, как у подростка. Было бы хуже, если бы уже вообще не стоял.

Справится. В конце-то концов, можно поехать летом в Амдерму на недельку, ему хватит. Летом забот на станции не меньше, но хотя бы не так страшно, что эти двое замерзнут, если дизель встанет, потому что Паша способен действовать в духе: «Я что-то нажал и все исчезло».

Летом хоть теплее будет, а уж с передачей данных на неделю они справятся. А вот зимой, если опять что-нибудь не то нажать, то и генераторы могут отказать, тогда кирдык настанет и людям, и всему оборудованию. И очень быстро.

Нужная цепь среди плавника и прочих богатств, что выбрасывало, наигравшись, на берег море, нашлась быстро. Радов давно ее подметил и теперь, пока волочил в станции, чув-

ствовал небывалый прилив сил. Даже звук приближающегося вертолета уже не так раздражал. Все-таки туристы – люди благодарные и, обычно, без подарков не прилетают. А если сами тугодумы, то в Амдерме им, как следует, объяснят, что и сколько брать с собой на метеостанцию. Не зря же она зовется труднодоступной.

Вот на сигаретах, которые наверняка привезут туристы, и можно дотянуть до тех пор, пока не прибудет ледокол с годовыми припасами. Хотя сигареты в государственные дотации не входили, так как государство ратовало за здоровый образ жизни, все необходимое можно было приобрести и у команды ледокола.

Радов ледокол примет, перекантуется еще с месяц и в июне можно скатнуться в Нарьян-Мар.

Отличный план.

Как и все отличные планы, этот тоже продержался недолго.

Стоило Радову подняться на гребень холма и окинуть взглядом прибывших туристов, как он выронил цепь из рук. Вся кровь моментально отлила от мозга. И виной тому уже была не Светка.

Стоило ему увидеть женщину перед метеостанцией, и его концом можно было гвозди забивать.

Выпав, цепь больно ударила его по мизинцу. И только боль его несколько отрезвила.

Он сейчас что, действительно хотел все бросить, подойти

к незнакомой женщине и, перебросив ее через плечо, утащить в спальню? Серьезно?

Похоже, в таком состоянии самое правильное, что Радов может сделать – это сейчас же запрыгнуть в прибывший вертолет, и пусть Пашка и Светка сами обхаживают туристку. Потому что Радов с этим не справится. Он даже подойти к ней ближе не может, потому что руки трясутся от желания.

Радов отвернулся и протер глаза большими пальцами, сильно, аж до звездочек, но это не помогло. Все, что он видел, это два круглых полушария идеального размера под мягким свитером в вороте распахнутой куртки. Если он сожмет их, как следует, то сможет исполнить свою мечту. И не одну.

Радов до скрежета стиснул зубы.

Пломбы-то ему проверяли перед отъездом, но если так пойдет и дальше, то треснут даже самые надежные.

Радов обреченно посмотрел издали на женщину, стоявшую возле Светки. Туристка с большой земли была выше девушки, на целую голову.

Честно сказать, Радов мало что смог разглядеть издали: ни цвета ее волос, скрытых шапкой, ни ее лица толком он так и не увидел. Но, по правде сказать, еще меньше он увидит вблизи, потому что его взгляд наверняка будет сползать с ее лица и волос только ниже. Раз уж он даже издали сразу выцепил самое главное – выдающееся женское достоинство. Идеального размера.

Для чего идеальное, Радов предпочел не думать. Иначе все-таки придется делать зубы по новой в Нарьян-Маре.

– Вперед, Муфаса, – сказал Радов, снова подхватив цепь. Перед смертью не надышишься.

Эта женщина на Вайгаче пробудет всего три дня, редкие туристы задерживались дольше. Это будут тяжелые трое суток, кто бы спорил, но Радов сделает все, чтобы держаться от нее как можно дальше.

Это же Север, черт возьми. Он бескрайний!

Глава 7. Таисия

Федор Радов не был ссохшимся стариком. Совсем даже наоборот.

Ростом он был точно великан из сказок – столь любимые Таисией сто девяносто пять сантиметров, не меньше. Можно было решить, что его богатырский рост обман зрения, но рядом с мужчиной топал пес и это уж точно был самый огромный пес из всех, которых когда-либо видела Таисия.

Таисия часто видела мужчин в отличной форме, но скорее на специализированных спортивных мероприятиях, куда атлеты приезжали, по умолчанию, в лучшем своем виде. Женщины ее возраста съезжались на такие смотрины с единственной и понятной целью. И было очень большой неожиданностью увидеть хорошо сформированного мужчину здесь, среди бескрайней северной тундры.

Стиснув зубы, Радов тащил на плече ржавую цепь, а ее хвост волочился по земле. Интересно, зачем она ему? Это хобби такое, прогулки с цепью вдоль побережья?

На длинных ногах у него были ботинки с высокими бортами, какие-то свободные мягкие штаны, а сверху свитер грубой вязки с широким горлом. Под ним тонкая футболка. Верхней одежды не было, да он и не смог бы замерзнуть, таская при этом тяжести.

Остановившись на пригорке, Радов впервые скользнул

взглядом сначала по вертолету, а после мазнул взглядом по Таисии. И потом быстро, как-то неожиданно резко отвернулся. Сбросил цепь на землю и стал рассматривать, как будто это было самое увлекательное зрелище на свете.

Таисия ощутила неприятный укол уязвленного самолюбия. То есть между ней и ржавой цепью этот дикий мужчина выбрал последнее?

Таисия покосилась на Светку, но та на руководителя станции смотрела совсем иначе, чем на Джея. То запретное вожделение, которое появилось при взгляде на метросексуала с большой земли, при взгляде на Радова мгновенно испарилось.

Со странным облегчением Таисия поняла, что Светка с руководителем не спит и не собирается. Хотя Таисии, в общем-то, и не было до этого никакого дела.

Однако в пытливом женском уме тут же зародился другой вопрос: а с кем спал руководитель метеорологической станции Федор Радов, если вокруг простиралась только северная глушь? Как-то не верилось, что этот великан станет интересоваться кем-то вроде Павла Валерьевича. Светка же годилась Радову в дочери, но, насколько знала Тая, мужчины такому факту обычно были только рады.

Наконец, Радов закончил рассматривать ржавые сочленения, поднял цепь с земли и, что-то сказав псу, двинулся напрямиком на них.

Борода Радова, конечно, была далека от идеала и вряд

ли знала руку мастеров барбершопов. Не говоря уже о том, что руководитель труднодоступной станции вряд ли начинал свое утро с того, что напояживал бороду и усы специальным воском, а после расчесывал специальными расческами, как это делал Джей. В ухоженной и подстриженной бороде Джея волосок шел к волоску, у Радова же темная с проседью борода росла, как попало.

Хотя его внешность наверняка могла быть еще запущеннее, думала Тая. Значит, Радов все-таки брился, хоть и не часто.

Волосы тоже лезли в глаза, и их Радов отбрасывал со лба одним резким движением. Волосы были темно-русыми, а глаза прозрачно-синими, как северное небо в хорошую погоду, как сегодня.

Тая поняла, что смотрит на Радова уже в упор, тогда как он, даже приблизившись к ним, продолжает отводить глаза в сторону. Он часто поглядывал на пса, и Таисия решила, что возможно, пес не всегда радушен к новым лицам на острове и хозяин просто бдит за порядком.

Однако темный огромный пес ласково вилял хвостом и даже успел обнюхать Таисию с головы до ног, при этом не выказывая никакого неприятия.

Макушкой зверь достигал ей чуть выше пупка. В собаках Таисия не разбиралась, а такую и вовсе видела впервые: густая темная шерсть на загривке напоминала львиную гриву. А вот брюхо было со светлыми подпалинами, как и пуши-

стый хвост, немного загнутый к спине. Пес хоть и был огромным, как теленок, но, слава богу, оказался, как говорится, хорошим мальчиком и не стал вставать на задние лапы, приветствуя Таисию, иначе точно опрокинул бы ее на спину.

Еще было удивительно и непривычно, что пес не гавкал на чужих, только постоянно оглядывалась на хозяина, который также поглядывал на него в ответ.

– А вот и наш руководитель, – наконец, сказала Светка, хотя Радов уже с минуту стоял возле них.

Но в этот момент и Тая, и Радов оба посмотрели на Свету, как будто впервые ее заметили, а после, так как уже не было причин молчать и дальше, Радов наконец-то медленно перевел свой взгляд и посмотрел на Таисию.

– Федор Радов, добро пожаловать на Белый Нос, – сухо сказал он, глядя на нее сверху вниз.

– Таисия... Можно просто Тая.

Таисия успела смириться с одним очевидным фактом, предопределенным для нее с самого рождения, но сейчас, когда Федор Радов внимательно изучал ее острым, как сорокаградусный мороз, взглядом, Таисия Вознесенская впервые и в полной мере ощутила себя женщиной.

И к тому же единственной в радиусе нескольких километров, если не считать Светлану. А судя по тому, как эти двое – Радов и Света, – невидяще смотрят друг на друга, то Светланой можно пренебречь.

А еще Тая вдруг ясно поняла, что путешествие на север не

лучшее место для женщины, где мужчины смотрят на тебя взглядом голодного белого медведя.

Радов хотел сказать что-то еще, но в этот момент вернулся Джей.

– Тая, Тая, там невероятно! Еще несколько ходок и я тебе все покажу. О, здравствуйте! Вы, должно быть, руководитель станции? Федор Радов? Добрый день! Мы с Таей очень благодарны вам за возможность увидеть работу станции изнутри!

Радов молча пожал протянутую Джейем руку и скользнул взглядом по руке Джея, которую тот вдруг по-собственнически положил Тае на плечо. Тая аж опешила от такого проявления любви. Никогда Джей себе такого не позволял, но в городе, в черте цивилизации. А здесь на фоне дикой природы у мужчин на уровне рефлексов врубается режим «неандертальца»?

Тая шевельнула плечом, желая сбросить руку Джея. Тот сделал вид, что ему срочно понадобилось поправить шапку на голове, но руку все-таки убрал.

– Дусю кто-нибудь видел? – резко бросил Радов Светке.

Здесь есть еще женщины?!

– А? – встrepенулась студентка. – Не, я, кажется, со вчера ее не видела. Это наша лайка, – пояснила Светка, перехватив удивленный взгляд Таисии, и тут же опять уставилась обожающим взглядом на Джея. Так в детстве Таисия смотрела на торты в витрине магазина. – Есть у вас легкие коробки,

Джей? Давайте помогу. А то вон там тучи, видите на горизонте? Если мимо не пройдут, будет шторм.

Радов с удивлением покосился на Свету, как будто был удивлен ее познаниями, потом сбросил цепь на землю и в очередной раз глядел окрестности. Может быть, он просто за вторую собаку беспокоится? Потому столько и смотрит по сторонам? Очень на то похоже.

– Давайте, я тоже помогу, – сказал Радов. – Паша на станции?

– Ага.

– Он сказал, что ему нужно сделать место среди ваших запасов, чтобы было куда ставить наши подарки, – встрял Джей. – Кстати, невероятная собака! Это же, если не ошибаюсь...

– Да, это мастиф, – перебил его Радов. – Идемте, облака движутся быстро. Скоро буря будет здесь. И вряд ли она пройдет мимо.

Радов с прищуром, из-за бывшего в глаза ветра, глянул в сторону потемневшего горизонта. Потом посмотрел на часы на руке и сказал Свете:

– В смену я пойду. Ты дома отсидишься.

– Спасибо, – кивнула Света, с восторгом стрельнув глазами в Джея, и защелкала: – Вы столько всего привезли! Прямо с ума сойти! Нам на ледоколе и то меньше доставляют.

Тая едва сдержалась, чтобы не закатить глаза из-за неумелого и такого очевидного флирта девушки. Света двинулась

возле Джея к выгруженным коробкам, Тая была не против. Ревности она по-прежнему не испытывала.

Она глянула на руководителя станции, тот по-прежнему глядел только на тучи. Его интерес метеорологическими явлениями можно понять, вот только что он скажет на это?

С легкой улыбкой на губах и медленно покачивая бедра, Тая развернулась и первой двинулась к вертолетной площадке.

Оставшийся позади нее Радов шумно выругался, споткнувшись о им же брошенную наземь цепь.

Мудрые женщины флиртуют иначе.

Глава 8. Радов

Джей? Это что, собачья кличка? Как обычного русского мужика могут так звать, а этот Джей совершенно точно не какой-то там Джеймс Бонд под прикрытием.

Как руку-то ей на плечо забросил, а? Моментально среагировал и указал Радову, чья она женщина. У мужчин это на подкорке, на уровне рефлексов.

«Таисия... Можно просто Тая».

Да вот кому-то можно, а кое-кому – нет. Радову точно не стоит звать ее Таей. А всяким молодым кобелям со стриженной бородой очень даже можно.

Сколько ему? Ведь точно меньше, чем ей. Ненамного, но и этого достаточно, чтобы ощутить укол недовольства. Не хватает, значит, на большой земле мужчин, раз женщины уже строят отношения с теми, кто им в сыновья годится. Радов вот держится, не спит со Светкой, а Таисия-можно-просто-Тая не удержалась. От сморщенных фиговых листов свой красивый нос воротит?

Да чего, спрашивается, он так на нее взелся? Не все ли равно, с кем спят богатые дамочки? Ясно же, что им тоже красивых и молодых парней подавай. Эротические вкусы в обе стороны работают одинаково. Не только мужчинам нужны старлетки. Непонятно только, почему предпочтения Таисии так задевают Радова.

Ливень не заставил себя ждать. Вертолет едва успел нырнуть в просвет между облаками, а они только-только затащили все подарки под крышу, как за окном стемнело, а море ответило рыком.

И зачем привезли так много, думал Радов, осматривая коробки и ящики с апельсинами, водкой, шоколадом, сгущенкой и тушенкой перед тем, как покинуть дом. Пора было снимать показания.

Как будто без такого запаса они бы не приняли их на станции. Еще как приняли. И за сигарету на постой туристов брали.

Радов оставил Пашу на хозяйстве, а сам пошел отрабатывать «срок» Светки. Считывали показания приборов метеорологи в любую погоду и при любых условиях. Радову жаль было гонять девку под дождем, поэтому пошел сам. Да и Дуся ему покоя не давала.

А еще меньше будет слюни пускать на Таисию-можно-просто-Тая, сидя с ней в одной комнате.

Раньше Дуся давно бы уже прибежала, прижав уши и вращая хвостом, как пропеллером, а сейчас что же? Где нашла пропитание? Неужели ушла грабить гнезда на восточной оконечности острова? Да ведь рано, гуси только-только начинали строить гнезда. Куда же подевалась лайка и где нашла укрытие от стихии?

С приходом дождя ртутный столбик упал ниже нуля, а показания термометров на почве подсказывали Радову, что

утренние заморозки еще будут. Надвигалась пора, когда лед шел с севера, да и реки избавлялись от льдистого короба, который сковывал их уже восемь месяцев. Вот и холодает.

Неумолимо хлестал дождь, пока Радов в тяжелой плащ-палатке передвигался от одного прибора к другому по метеоплощадке. Почву развезло, и та хлюпала под сапогами.

Только после того, как записал, сверил с таблицей, перекодировал и отправил показания по телетайпу в Амдерму в строго оговоренное время, чтобы показания со всей страны попадали в Росгидромет в один срок, Радов наконец-то вернулся в жилой модуль.

С него текло ручьем, а сапоги оставляли грязные отпечатки, пока он топтался в коридоре, переодеваясь и пытаясь развесить плащ на обсушку. Ему предстоял еще один выход через три часа. Но вряд ли его одежда успеет высохнуть, придется идти в мокром. Да и дождь к тому времени не стихнет.

Муфаса тут же кинулся к хозяину, но Радов велел псу сидеть на месте, чтобы не разносил грязь по коридору. Только подметающий пол, как метла, хвост выдавал нетерпение застывшего в одной позе пса.

Мысли Радова при взгляде на мастифа снова вернулись к Дусе. Если не яйцами да гусями лакомилась, то неужели белого медведя повстречала? Ведь как раз лед идет. Может и к ним занести незадачливого путешественника с севера.

Как будто мало было забот до этого.

Мимо коробок, снятых с вертолета, которые они выстави-

ли вдоль стен в коридоре, грязный, замерзший и насквозь промокший Радов сначала отправился к себе – переодеться. С волос и бороды текло, как после душа. Он долго стоял перед шкафом, в котором теплые толстые свитера были кое-как свалены один на другой.

Что он, собственно, хочет здесь найти? Белую рубашку? На званый ужин, что ли, собрался?

С мыслями, что не хрен ему выпендриваться, Радов вытащил самый теплый и самый бесформенный свитер.

Потом все же он зачесал волосы, хотя бы просто для того, чтобы не падали на глаза и не мешали. Критически осмотрел седеющую бороду в зеркале. Нет, Джей здесь не причем. Он все равно собирался бриться. Буквально месяц назад собирался. А что такого? Время на севере идет иначе. Спешить тут некуда.

Переодевшись, Радов двинулся к главной комнате. Стоило войти, как тут же захотелось развернуться и снова встать под ледяной дождь, отлично прочищающий мозги.

Таисия-можно-просто-Тая разделась.

Было бы странно ожидать, что она станет сидеть в отапливаемом помещении в куртке и шапке, но Радов оказался не готов даже к этому.

Она сняла верхнюю куртку, шапку и избавилась от широких термоштанов, которые все равно не особо-то скрывали ее формы. Особенно сзади. Радов воочию убедился в этом.

Теперь на ней были мягкие, обтягивающие ее длинные но-

ги флисовые спортивные штаны. На кой черт при занятиях спортом женщинам нужны именно такие? Штаны старательно обтягивали тонкие икры, красивые голени, острые колени и в довершение выгодно подчеркивали покатые бедра.

Черт. А откуда такие формы в таком-то возрасте?

Да и в каком возрасте? На вертолетной площадке Радов принял Таисию за сверстницу, но теперь при свете и без шапки, с длинными распущенными волосами, и этими ее длинными ногами он видел, что ей всего-то около сорока. Так что его обвинения были голословными. Джею, который, как преданный пес, сидел рядом с ней, было немногим меньше. В их возрасте можно считать ровесниками.

Не говоря ни слова, Радов сел в дальний угол в свое низкое кресло с оббитыми глянцевыми деревянными подлокотниками, а Светка, так же, не говоря ни слова, тут же протянула ему полную чашку горячего чая со спиртом. На подлокотнике появилась тарелочка с двумя пирожками.

Какими бы ни были члены его метеостанции, но друг друга они понимали с полуслова. И в такую погоду чай со спиртом был жизненно необходим. Хотя сейчас Радова и бросило в жар от вида женских ног, в любое другое время его бы колотило от холода. Согреться нужно было срочно, еще и учитывая то, что скоро ему возвращаться под дождь.

Тесто Светка поставила еще утром, и горячие пирожки с рыбой были очень кстати.

Беседу Радов не прерывал, только ел и пил, делая мыс-

ленные пометки тому, что Светка перепутала типы облаков, когда хотела блеснуть знаниями перед Джемом, а Паша слишком высокомерно рассказывал гостям о деталях их жизни и работы.

Радов с удивлением подметил, что Пашу очень сильно задевает реакция Светы на нового мужчину и трижды в сердцах перекрестился, что все-таки не делал никаких поползновений в сторону Светы за это время.

На Таисию Радов принципиально не смотрел, но что делать с тонким ароматом ее духов не знал. С появлением этой женщины даже состав воздуха изменился в этой пыльной комнате, заставленной коробками с припасами, на стене которой, в мае месяце, до сих пор висел нарисованный Светкой плакат «С новым годом!».

Радову хватило даже выхваченных беглым взглядом тонких аристократичных щиколоток, чтобы понять, что если он начнет изучать ее всю, с головы до пят, если хоть раз вдохнет полной грудью ее цветочный запах, то все. Просто пропадет. И что потом делать?

Три дня.

И если понадобится, Радов отправится искать Дусю по всему Вайгачу, чем будет сидеть взаперти с туристкой. Тем более, у нее есть мужчина, которому будет слишком много чести, если Радов начнет петушиться, как тот же Паша.

Таисия – чужая женщина и точка.

Глава 9. Таисия

Большие руки.

Большой пес.

Большой размер обуви.

Даже нос у Радова и тот большой, но не плоской картошкой, нос у него узкий, длинный, немного кривой, потому что, видимо, ломали и не раз. Но небольшая кривизна совершенно не портила нос Федора Радова.

Ох, какой у него нос...

Она совсем с ума сошла, верно? Сидит и на полном серьезе рассуждает о форме носа руководителя метеостанции.

А еще Таисия не могла отделаться от мысли о том, а все ли у этого мужчины такое гигантское? На ум лезли все известные женские приметы, способные определить остальные мужские размеры, если соотносить их с обувью, большим пальцем или ладонями.

Носом опять же.

Таисия тряхнула головой и посмотрела на Джея, который слишком внимательно смотрел на нее. Закатывать сцены Джей, конечно, не будет, хотя руку на плечо в обычной жизни он ей тоже не забрасывал. А сегодня вот забросил. А теперь еще и пересел ближе, стоило Радову появиться в комнате.

Напрасные тревоги. Неужели Джей не замечает, что Радов

даже головы не поднимает и вообще на Таю не смотрит? Сидит и пьет свой терпко-сладкий черный чай со спиртом.

Слаженность быта метеостанции видна была невооруженным глазом. Светка, стоило им войти в дом, тут же отправилась на кухню, а Паша сменил газовый баллон, потому что прежний кончился, и сам проверил подачу газа на кухне.

После, когда пирожки пожарились на жире, а чайник вскипел, Паша принес спирт, и хотя никто его не налил себе, стоило в отдалении хлопнуть входной двери, Света тут же заварила горячего чаю и добавила спирта в самую большую кружку. Ее-то она и подала Радову, стоило тому только войти в комнату. И тоже молча. Отработанным до автоматизма жестом.

Дождь барабанил по стеклу, козырьку и крыше, а за окном стало темно, хоть глаз выколи. В эту непогоду, сидя в маленьком домике, Тая остро ощутила всё одиночество и пустоту вокруг станции метеорологов. На острове только один поселок, где есть люди, они пролетали над ним на вертолете, но отсюда они даже не увидят его огней.

Кругом только лисы, возможно песцы. Скорей всего олени, которых разводили ненцы. Где-то там были лайки, которых держали на цепи летом, когда сходил снег и на санях передвигаться уже не получалось, хотя кто-то пытался.

И комары. О комарах речь и шла. Паша с видом Николая Дроздова рассказывал Джею о том, какие огромные и голодные тучи комаров появляются на острове с приходом лета

и когда устанавливаются теплые погоды, но сейчас им опасаться нечего.

Три дня, думала Тая, а потом они вернутся в цивилизацию, а эти люди останутся здесь. Будут терпеть непривычную для севера жару, если лето будет жарким, или будут терпеть привычный холод. Будут засыпать и просыпаться при кружащем по небу солнечном диске во время полярного дня. И будут отгонять или кормить собой голодную мошкарку, тут уж как повезет.

Но с их отбытием ничего в жизни метеорологов не изменится. Как ни на что не повлияло прибытие гостей, так никак не повлияет и их отъезд. Все также они будут снимать показания приборов, все также «выходить на срок», как говорил Паша.

Вот почему сам Паша сейчас смотрел на Джея с легким пренебрежением и даже снисхождением. Хотя в этом взгляде было и кое-что иное, например, соперничество. Паша был лет на пятнадцать моложе Джея, и как молодой отважный пес готов был сразиться за внимание девушки. Джей, правда, сражаться за Светку не собирался, но Пашу это не останавливало. Во взгляде явно читалось «Только дай мне повод».

Джей повода не давал. Он улыбался Тае, а потом даже положил ей на колено руку. И делал он это вовсе не из-за Паши.

На эту возню Радов, как патриарх львиной стаи, даже не смотрел. Свое он уже отвоевал. Сидел себе в своем темном углу, обхватив длинными пальцами горячую кружку, и пил

небольшими глотками. Смотрел впереди себя, иногда касаясь длинными пальцами макушки мастифа.

Почему он вообще не смотрит на нее? Что с ней не так?

Или, может быть, что с ним не так? Возраст, север и спирт. Может, ему больше не интересны женщины? Даже Паша, и плевать, что он даже моложе Марка, окинул несколько раз Таисию с ног до головы. Но у Радова, кроме того тяжелого вдоха, когда она повернулась к нему спиной на вертолетной площадке, не было больше ни единой попытки хоть сколько-нибудь выразить свои чувства.

А с другой стороны, зачем ей чувства руководителя метеостанции, если через три дня Таисии здесь больше не будет? Радов умный взрослый мужчина, и он прекрасно понимает, что она прибыла сюда не одна, а кроме того, как прибыла, так и уедет в скором будущем. Разве нет?

Таисия слишком увлеклась размышлениями. Не успела отвернуться и напоролась на взгляд синих глаз, когда Радов, отставив пустую чашку в сторону, откинулся на спинку старого советского кресла.

«Спирт, наверное, подействовал», – подумала Таисия, хотя он вряд ли сильно опьянел от такой дозы, но что-то во взгляде Радова неуловимо изменилось теперь, когда он не отвернулся, не опустил глаз и не сделал вид, что смотрит куда-то поверх ее головы.

Конечно, такому мужчине, как он, не пристало строить из себя пугливую скромницу. И уж что-что, а взгляд женщины

он мог бы выдержать.

Но все это время Радов не делал этого. И только сейчас, внезапно осмелев или, наоборот, утратив рассудительность, не избегал, не отворачивался, а скорее даже бесстыдно, в наглую скользил глазами по ее лицу.

Откинувшись в кресле, он продолжал смотреть на нее свысока, хотя при этом сидел. Но почему-то именно ему, Федору Радову, Таисия могла позволить смотреть на нее так, как король с королевского трона рассматривал бы брошенную к его ногам невольницу. Таисия еще ни разу не ощущала на себе взгляд такой силы.

Она знала многих высокопоставленных мужчин, чьи чины позволяли им глядеть сверху вниз на остальных граждан их страны, но задранные носы не придавали им величия, как бы они ни старались.

Радову даже не нужно было прилагать усилия к тому, чтобы строить из себя кого-то важного. Достаточно было одного сурового взгляда из-под падающих на глаза еще влажных и от того темных волос.

Задержавшись на ее губах, он продолжил раздевать ее глазами, не особенно-то церемонясь с тем, как это выглядит со стороны. Он хотел это сделать. И он это делал.

Тая поняла, что дышит чаще и быстрее из-за этого шарящего по телу взгляда. И что она сжала бедра так сильно, как будто он действительно уже снял с нее все, что на ней было.

Взгляд задержался на ее груди. Беременность и кормление

не испортили ее, в те годы Таисия была слишком молода для того, чтобы ее тело после не пришло в надлежащий вид. А с правильно подобранным бюстгальтером ее грудь до сих пор могла дать сто очков форы силиконовым заменителям.

И от одного только взгляда этого мужчины, который в этот момент почему-то быстро облизал губы, она ощутила, как напряглись соски под одеждой.

Голова шла кругом, сердце колотилось, а тело пылало. Как будто это она, а не он, только что осушила залпом чашку спирта. Впору было протирать ее этим самым спиртом, потому что она была точно в лихорадке.

Соски покалывало под одеждой, и, мельком опустив глаза, она увидела, что Радов прекрасно видит, какой эффект оказывает на нее это наглое, собственническое, словно он имеет на то полное право, разглядывание.

В приличном обществе так не поступают. Но так и она сейчас не в обществе. Сейчас она на ограниченном ледяными водами океана острове, по берегам которым могут бродить белые медведи, а самый важный мужчина, от чьей милости они теперь зависят, поскольку он принял их под своей крышей, теперь смотрит на нее так, как на товар, который сюда доставили ради его развлечения. И если он ее захочет, он ее возьмет. А если не захочет, оставит Джею.

Лучше бы он и дальше не смотрел на нее. Лучше бы и дальше отводил глаза в сторону, а еще хоть бы он быстрее убрался под свой ледяной дождь, проверять свои термомет-

ры.

Тая считала, что давно вышла из возраста, в котором можно возбудиться от одного только взгляда, но, похоже, дело было совсем не в возрасте, а в том, кто на нее смотрел все эти годы. И эти мужчины и в подметки не годились Федору Радову.

Она поерзала на диване, ощутив, как обжигает через одежду рука Джея на ее колене. Это было лишним. Неправильным. Неуместным. И она не хотела его.

Хотя вот же он, сидит рядом, молодой и красивый любовник, а даже он никогда не доводил ее до такого состояния одним только взглядом.

Радов теперь тоже смотрел на руку другого мужчины на ее колене. Взгляд, который скользил по ней, как раскаленный утюг, теперь споткнулся об эту руку, которая подействовала на него, как ведро со льдом.

Тяжелый темный взгляд Радова вернулся к ее лицу. От прозрачных глаз не осталось и следа. Темная радужка целиком заслонила небесную синеву, превратив глаза Радова в два темных провала, в глубинах которых бесновалось пламя.

Таисия с трудом сидела на месте, подавляя желание немного поерзать или коснуться себя, чтобы потушить это иррационально сильное желание. И это при всех, когда в комнате еще трое посторонних.

Эта лавина ощущений сбивала с толку. И не позволяла сосредоточиться на том, о чем ее безмолвно спрашивали глаза

Радова.

Она не понимала, что он хочет. Этот мужчина, который еще четверть часа назад, даже не замечал ее, а теперь ей достаточно было одного прикосновения, чтобы взорваться.

– Хотите еще чаю? – вдруг произнес Радов, и все голоса мигом притихли.

Глава 10. Таисия

– Ч-ч-что?

Таисия никогда не заикалась. Никогда не частила и не жевала слова, так какого черта происходит с ней сейчас?!

– Я заметил, что у вас чашка опустела. Хочу поухаживать за гостьей. И могу принести вам еще чаю.

Каждое слово бьет точно в цель, а пульсация между бедер только усиливается от двусмысленности, казалось бы, невинной фразы: «Хочу поухаживать».

Пока он ждет ее ответ, в этот же момент его глаза быстро опускаются на ее грудь. И Таисия знает, что мягкий свитер не может скрыть ее твердых сосков. Чтобы хотя бы не выстав-
лять их на обозрение, Тая нагнулась ниже, вынуждая свет-
лые локоны скользнуть вдоль груди. Это фиаско. Это полное поражение и капитуляция ее тела.

– Да, я хочу еще чаю.

Она не узнала свой голос. И удивилась тому, что вообще способна нормально говорить.

Джей вдруг крепче сжал ее колено, которое так и не выпу-
стил, как будто призывая одуматься. Но что такого, верно?

Она всего лишь хочет выпить чаю.

А Джей должен знать свое место. И пусть не придумывает то, чего между ними нет.

Он моментально убрал руку, откинувшись на спинку ди-

вана. Как будто так и надо было, и его женщина сейчас вовсе не уходит к другому.

За чаем.

Только за чаем.

Это противозаконно выпить чаю и съесть еще этих пирожков? А они должны быть на кухне.

Таисия поднялась с дивана, подхватив с собой чашку.

Радов уже был на ногах. Он отвернулся от всех, приказав псу, оставаться на месте, и двинулся на кухню, которая была сразу за поворотом.

Открытая кухня без дверей, потому что кому бы пришло в голову прятаться на метеостанции, чтобы... выпить чаю? Да и двери препятствовали бы движению теплого воздуха между помещениями. Поэтому в общих комнатах их не было.

Тая видела только спину Радова в темном вязанном толстыми шерстяными нитями свитере. Все еще влажные волосы касались широкого ворота.

Радов налил темную и густую заварку из заварника, потом потянулся к горячей кипяченой воде.

– С сахаром?

Таисия моргнула.

Если способность говорить и была, то теперь она пропала. Она тяжело дышала, как будто и не было на ней того количества зимней одежды, и она уже стояла перед ним голая. Щеки горели.

– Я спрашиваю, вам чай с сахаром?

Да хоть с полонием! Ей сейчас плевать на этот чай.

Таисия переступила с ноги на ногу, потому что тело выгибалось само, как у кошки в разгар марта. Ей стоило невиданных сил, чтобы стоять вроде бы прямо и при этом не сжимать бедра, чтобы хоть как-то унять горячую пульсацию между ног.

А Радов? Он так и будет делать вид, что привел ее сюда, чтобы действительно угостить чаем? Им вроде не по восемнадцать, чтобы верить, что сейчас они здесь ради чая.

Радов так и не повернулся к ней. Остался стоять полу боком, прижимая бедра к кухонному гарнитуру. Тая отчасти понимала, что он пытается скрыть от нее, но опустить глаза, чтобы увидеть это наверняка, не могла. Взгляд Радова снова поймал ее, как сачок бабочку.

Он смотрел на нее с легкой усмешкой во взгляде и все с тем же чувством собственного превосходства, которое выводило Таю из равновесия, потому что еще никто не позволял себе смотреть на Таисию Вознесенскую так, как это делал какой-то руководитель метеостанции у черта на куличках.

Радов отложил ложку, которой бесшумно перемешал сахар в ее чашке. Протянул ей чашку.

В темных, как штормовое небо за окном, глазах плясали бесята.

Тая сделала шаг вперед.

Коснулась горячего фарфора, но Радов до сих пор не убрал своей руки. И ее пальцы легли сверху.

От прикосновения к шероховатой, огрубевшей на морозе коже, Тая захотелось застонать. Тут же захотелось пробежаться пальцами по всей ладони, изучить мозоли, впадинки и почувствовать вены под его кожей.

Тая приоткрыла рот, чтобы поблагодарить за чай, но поняла, что стоит слишком близко. И голова идет кругом от того, как этот мужчина пахнет морозом, дымом сигарет и терпкой ноткой алкоголя. Слова встали поперек горла.

Так как сейчас она была без каблуков, то ей пришлось запрокинуть голову, чтобы по-прежнему отвечать на его взгляд.

Синева в его глазах полностью исчезла. Радов отдернул руку, словно с запозданием осознав, что Тая касается его, а не чашки. И именно его руку она невесомо гладит подушечками пальцев.

Радов отшатнулся, а чашка с чаем накренилась и полетела на пол. Разбиться не разбилась, но с довольно громким грохотом покатилась по полу, расплескивая янтарную жидкость.

– Что случилось?

– Тая, все в порядке? – послышался голос Джея.

Нет, хотелось сказать ей.

– Все хорошо! – крикнула она. – Я такая неуклюжая. Чашку уронила.

Радову пришлось отлепиться от кухни, и он швырнул на пол полотенце и в два счета вытер разлившийся чай. Потом

выжал мокрое полотенце в раковину, но все эти телодвижения выдали его выпирающее из штанов желание.

Не увидь этого, Тая, наверное, бы вернулась сейчас обратно в комнату. Но мягкие штаны Радова не могли скрыть внушительного стояка, а Тая сейчас была просто не в том состоянии, чтобы взять и отвести от него взгляд.

Снова отвернувшись, Радов выжал полотенце над раковиной, хмуро оглядел мокрый пол и дернулся всем телом, когда Тая коснулась его мокрых и липких от чая рук.

– Не надо, – хрипло и тихо сказал он.

– К черту, – только и ответила Тая.

В ту же секунду он развернулся, слишком резко, отчего чашки на столе опять задребезжали.

– У вас точно все хорошо? – снова крикнул Джей.

Тая в этот момент оказалась прижатой к противоположной стене. Тяжело дыша и едва слышно, Радов прошептал, обжигая дыханием ее щеку:

– Скажи ему.

– Да, все в порядке! Пойду... Переоденусь. А то я пролила чай на себя.

В глазах Радова явно мелькнуло восхищение тем, как убедительно она выкрутилась.

Он убрал руки и двинулся на выход из кухни.

– А вы? – в проеме вдруг возник Джей.

– Я? – удивился Радов. – Вас волнует, куда я иду на собственной же станции?

Джей стушевался.

– Простите... Я имел в виду, вам ведь скоро опять возвращаться на метеоплощадку?

– Да, – только и ответил Радов и вышел.

Тая двинулась следом, но слышала тихое:

– Тая?

– Не надо, – только и ответила она.

– Стой, – Джей схватил ее за руку. – Давай я схожу с тобой.

– Зачем? – резко спросила она.

– Чемоданы тяжелые, Тая. Я хочу помочь тебе, мы не распаковали вещи. Это ведь не отель, а мы не в Дубае. Я видел фотки, где медведи разбирали печи по кирпичику, если чувствовали в них съестное. А здесь хватает припасов, а еще медведей...

– Джей, я сама справлюсь.

– Точно?

– Господи, да просто отстань от меня!

Тая выскользнула за дверь, в узкий коридор, заставленный всяким несомненно полезным хламом.

И увидела, что Радов стоит на коленях у входной двери. А на полу перед ним лежит белая лайка вся в крови и тихо скулит.

Резкий выкрик Радова оглушил Таисию, а выбежавший из

столовой Паша оттеснил к стене.

Павел бросился к руководителю, но едва не упал, поскользнувшись на грязно-розовой луже, натекашей с шерсти. Взмахнул рукой в гипсе и вовремя схватился второй за стену.

Завизжала Светлана.

– Дусенька! – девушка бухнулась перед собакой. – Что с ней?

Черты лица Радова заострились, пока он ощупывал окровавленный мех белой лайки. По сторонам он не глядел.

– Уже ничего, – ответил он.

До Таисии не сразу дошел смысл его слов. Как и до Светы, которая, стоило ей осознать жестокие слова Радова, тут же отдернула руку.

– Господи! – выдохнул Джей, прижимая к себе Таю.

– Что мы будем делать? – спросил бледный Паша.

Радов рассеяно провел по бурому от крови боку собаки.

– Заряди ружье. Я иду на площадку. Сможешь? – он посмотрел на однорукого Пашу.

Видимо, вспомнил, как он поскользнулся, а такой и себя застрелить может ненароком.

– Могу, – твердо ответил Паша, – но если медведь рядом? Может, попросим отсрочку у Амдермы? Там темень и дождь не дает слышать звуки. Если он нападет, вы просто ничего не успеете сделать. Особенно если он... уже распробовал кровь.

В коридоре повисла тишина. Только стучал по козырьку над входной дверью дождь, но этот звук больше не успокаивал. Теперь шорох дождя скрывал опасность, которая бродила вокруг станции, прячась во мгле.

– Нельзя не выйти в эфир, – ответил Радов. – Идет лед и быстро, нам нужно отправить данные для судоходства.

– Но...

– Ружье, – напомнил Радов.

Он отпустил собаку и поднялся. На темной одежде не были видны пятна крови, но Тая знала – они там есть.

– Света, мешок.

Девушка подняла заплаканные глаза на Радова, кивнула и убежала.

– Утром я сам похороню, – сказал Радов Паше, хотя тот и не рвался делать это сам.

Когда Паша молча ушел за ружьем, Тая почувствовала, что Джей потянул ее за собой в комнату. Сейчас они здесь лишние.

Но Тая не хотела уходить. Не хотела оставлять этого мужчину там, один на один с горем и опасностью. Не хотела отпускать его за дверь.

Радов не смотрел на нее. Он тихо подозвал к себе пса, и мастиф тут же примчался. Склонил голову, обнюхав тело Дуси.

Радов натянул на себя мокрый дождевик с гвоздя в прихожей, потом взял из рук Светы холщевый мешок. Сам упаков-

вал в него собаку и вынес в сени. Подроссел Паша с ружьем, которое он нес с благоговейным ужасом на лице. Радов больше не появлялся в коридоре, ружье он, видимо, так и принял в сенях, оттуда же кликнул пса и вместе с ним покинул станцию.

– Идем, Тая, – напомнил о себе Джей.

– Но как он будет там... один? – прошептала она.

– Так же, как и до этого, – ответил Паша. – Жаль, что Афанасий в отпуске. Обычно, когда поблизости медведи, по технике безопасности, мы должны ходить парой.

Будничный и спокойный тон, а значит, правила Радов нарушает не в первый раз. С тяжелым вздохом Паша отправился за тряпками и стал вытирать пол. Светка тихо плакала на кухне.

– Идем, Тая, – с нажимом сказал Джей. – Мы здесь ничем помочь не в силах.

– У вас хотя бы свет снаружи есть? – спросила Тая Павла.

– Имеете в виду фонари? – спросил он, не поднимая головы, пока вытирал пол от крови. – Не, фонарей нету, но у Федора Михайловича должен быть карманный. Чтобы подсвечивать приборы хватает.

Тая взглянула в окно, за которым не видно было ни зги. Представила, как Радов идет, прислушиваясь к каждому шороху, по размокшей грязи с ружьем наперевес в одной руке и фонариком в другой. Он должен снять данные для судоходства и Росгидромета, чтобы в завтрашних утренних новостях

появилась та самая цифра в углу экрана. Цифра, от которой большинство зрителей потом отмахнуться со словами: «Ой, да врут опять».

Одна-единственная цифра, а сколько работы за ней стояло.

– Таисия, идем, – Джей потянул ее за собой.

Нужно смотреть правде в глаза. А еще взять себя в руки.

Ненавидя себя за бессилие, Таисия подчинилась.

Глава 11. Радов

Закончив с измерениями и вовремя передав данные в Амдерму, Радов решил еще раз обойти станцию. Было темно и не в последнюю очередь из-за туч. Хотя Радову требовался напарник, семидесятикилограммовый мастиф вполне годился на эту роль. Да и нюх, и слух сторожевой собаки работали куда лучше, чем у человека.

Радов полностью переключил свое внимание на то, чтобы ничего не упустить. И это помогло отвлечься и забыть, пусть и ненадолго о том, какую большую ошибку он едва не совершил. Совершенно потерял голову. Он бы ее взял прямо там, и плевать, что в соседней комнате были люди.

В тот момент ему было на все плевать. Все взрослые, а если стыдно подслушивать, так пусть сами и уходят.

А эта женщина какова? Ее мужчина сидел в трех шагах от нее, а она пожирала его глазами. Ни стыда, ни совести. Богатая дамочка, которая привыкла получать по первому требованию то, что хочет. Захотела Радова и чуть не получила, потому что он только этому и рад.

А потом она вернется на большую землю и будет рассказывать о своих амурных приключениях. Глядишь, не зарастет народная тропа неудовлетворенных разведенков, которые протопчут ее напрямик до полярного острова. Отбоя на Вайгаче не будет от туристов.

А что, разве только теплые страны годятся для секс-туризма? Север тоже неплох. Зима и полярная ночь как будто созданы для того, чтобы греться под одеялом.

Хорошо, что Радов вовремя остановился.

Хотя, конечно, плохо, что именно так. Чувствовал ведь, с утра чувствовал неладное. Эх, Дуська, Дуська. Не забыла о доме, отбилась и приползла полуживая. Предупредила, выполнила собачий долг. Так бы и не узнали, что медведь поблизости. А на месте Дуси мог оказаться кто угодно. Даже один из этих неопытных туристов.

Муфаса брел рядом, шумно нюхая воздух. Пес был спокоен, значит, медведь хотя бы не бродит возле станции. Неизвестно, откуда прибежала Дуся. Жаль, к утру, когда дождь пройдет, следы смоем. А мастиф все-таки охранник, а не охотник.

В пелене дождя Радов видел желтые квадраты окон. Вот потух свет в спальне Светы: страшно, наверное, сегодня спать в одиночестве, но не подселять же к ней кого-то из мужиков.

А вот в комнате Паши только зажегся свет. Он тоже живет один, по крайней мере, пока Виктор не вернется из отпуска. Тогда, впрочем, и Радов будет жить вместе с Афанадием. Хотя, как руководитель станции, Радов мог требовать отдельную комнату, но, не имея семьи, он выбрал путь экономии – так отапливали меньше жилых комнат.

Вряд ли его статус холостяка когда-нибудь изменится. Ес-

ли только не привезет жену с большой земли. Здесь ей взяться неоткуда. А женщины, если и приезжают, то со своим саваном, как этот Джей.

Вот и спальня туристов. На окнах шторы, свет еще горит. Мечутся, наверное, думают, куда попали и как сделать так, чтобы оставшиеся три дня из комнаты не выходить. Это вам не экскурсия по Лувру, это север. Не только бескрайний, но и бескомпромиссный, жестокий, до сих пор первобытный. Или ты, или тебя.

Радов расширил радиус обхода, двинулся к заливу, в котором шипели пенные волны. Белые гребни он различал даже во тьме. Вдали, за грохотом волн о каменные берега, опытный метеоролог различал и скрежет ледяных торосов. Льдины бились, громоздились в узких проливах, трескаясь и разламываясь от напора.

На одной из таких льдин с полюса и приехал их безбилетник, расправившийся с Дусей. Мишка может убраться обратно, если поторопится. Если нет, то проведет на Вайгаче все лето, за которое похудеет, обозлится и станет есть все подряд. И это будут не только рыба и моржи.

Не сказать, чтобы появление медведя на острове было событием экстраординарным, хотя и важным. В каждое лето из прошлых, что провел здесь Радов, не обходилось без таких вот залетных с севера путешественников. И ладно, если это были самцы-одиночки. Хуже, если это было медведицы.

Дуся бы не бросилась на медведя сама, а медведи в это

время года были еще сытыми после зимы, да и лед на дальнем севере еще держался, облегчая им охоту. Плохой знак, что медведь набросился на собаку. Поблизости могут быть медвежата.

Нужно будет расспросить оленеводов на побережье, может, кто что видел или знает.

Оленеводы удивились бы его решению хоронить собаку, даже не ездовую. Сами ненцы разделявали погибших от холода или раненных животных. Мясо больных в пищу не шло, но собачья шкура все еще высоко ценилась.

Радов не собирался сдирать с Дуси ее разорванную медведем шкуру. Да и не голодали они на станции настолько, чтобы перейти на собачатину. На них цивилизация уже наложила свой отпечаток, и съесть четвероного друга уже не казалось чем-то нормальным.

Радов во второй раз обогнул станцию по более широкой дуге, но ни он, ни Муфаса так и не заметили никаких следов медведя. За это время погас свет и в Пашином окне, но по-прежнему горел у туристов.

Радов лишь мельком глянул в их сторону, и в тот же момент штора всколыхнулась и к окну прильнула Таисия.

Радов запнулся, замерев под дождем, хотя и знал, что она не могла разглядеть его в черной ночи. Ей мешал свет. А ему как раз все было видно.

Больно резануло по нервам воспоминание. Когда точно также он стоял в светлом окне поезда, готового к отправке,

а на темном перроне от него уходила женщина. Он ее видел, она его – больше нет. Поезд увез Радова прочь от прошлой жизни и выбора, который он сделал сам. Но все эти пять лет иногда казалось, что если он снова сядет на поезд и приедет на тот вокзал, то все вернется на круги своя, и эта женщина, что когда-то звалась его женой, не уйдет с вокзала, а наоборот примчится его встречать. Хотя Федор понимал, что в одну воду дважды не войти, да и вернуться к прежней жизни, после севера, он бы уже не смог.

Теперь, когда Радов стоял в темноте перед метеостанцией, а Таисия прильнула к окну, стараясь высмотреть в чернильной ночи хоть что-то, ему казалось, что он опять стоит на том вокзале. Только теперь она через три дня исчезнет, а он останется. Так что нет никакого смысла хоть что-то менять.

Все равно это желание заведет их обоих только в тупик.

Непонятно только зачем она высматривает его так, как будто действительно беспокоится. Хотя, может, это просто праздное любопытство. Люди любят пощекотать себе нервы.

В окне появился Джей, обнял Таисию за плечи, вернул штору на место. Какое-то время в их окне еще горел свет, но потом и он потух. Станция погрузилась в темноту.

Он очень старался выкинуть из головы мысли о том, что сейчас происходит за этим темным окном.

– Домой, Муфаса, – сказал Радов.

Он, пропахший сигаретами, мокрой псиной и весь облепленный грязью. И эта женщина, с шелковыми волосами и

длинными ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.